
СКАЗКИ ПУШКИНА.
Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его, славномъ и могучемъ богатырѣ, князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ, и о прекрасной царевнѣ Лебеди.
Рисунки И. Я. Билибина.
Изданіе Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.
И. БИЛИБИНЪ. 1904.

Сказка
о царѣ
Салтанѣ
Трудъ этотъ посвящаю
русскому компози=
тору Н.А. Римско-
му Корсакову.
И. Билибинъ.
1905 г.

И. 19
Б. 06.

Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его славномъ и могучемъ богатырѣ князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ, и о прекрасной царевнѣ Лебеди.

Три дѣвицы подъ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
„Кабы я была царица",
Говоритъ одна дѣвица,
„То сама на весь бы міръ
Приготовила я пиръ".
„Кабы я была царица",
Говоритъ ея сестрица,
„То на весь бы міръ одна
Наткала я полотна".
„Кабы я была царица",
Третья молвила сестрица,
„Я бъ для батюшки-царя
Родила богатыря".

Только вымолвить успѣла,
Дверь тихонько заскрипѣла,
И въ свѣтлицу входитъ царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Онъ стоялъ позадь забора;
Рѣчь послѣдней по всему
Полюбилася ему.
„Здравствуй, красная дѣвица",
Говоритъ онъ, „будь царица,
И роди богатыря
Мнѣ къ исходу сентября.
Вы жъ, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь изъ свѣтлицы,
Поѣзжайте вслѣдъ за мной,
Вслѣдъ за мной и за сестрой:
Будь одна изъ васъ ткачиха,
А другая повариха".
Въ сѣни вышелъ царь-отецъ,
Всѣ пустились во дворецъ.
Царь недолго собирался:
Въ тотъ же вечеръ обвѣнчался.
Царь Салтанъ за пиръ честной
Сѣлъ съ царицей молодой,
А потомъ честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодыхъ
И оставили однихъ.
Въ кухнѣ злится повариха,
Плачетъ у станка ткачиха,
И завидуютъ онѣ
Государевой женѣ.
А царица молодая,
Обѣщанье выполняя,
Съ той же ночи понесла.
Въ тѣ поры война была:
Царь Салтанъ, съ женой простяся,
На добра-коня садяся,
Ей наказывалъ себя
Поберечь, его любя.
Между тѣмъ, какъ онъ далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступаетъ срокъ родинъ;
Сына Богъ имъ далъ въ аршинъ.
И царица надъ ребенкомъ,

Во все вре́мя разгово́ра
Онъ стоялъ поза́дь забо́ра.

Какъ орлица надъ орленкомъ.
Шлетъ съ письмомъ она гонца,
Чтобъ обрадовать отца.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотятъ,
Перенять гонца велятъ;
Сами шлютъ гонца другого
Вотъ съ чѣмъ отъ слова до слова:
„Родила царица въ ночь
Не то сына, не то дочь:
Не мышенка, не лягушку,
А невѣдому звѣрюшку".
Какъ услышалъ царь-отецъ,
Что донесъ ему гонецъ,
Въ гнѣвѣ началъ онъ чудесить
И гонца хотѣлъ повѣсить;
Но, смягчившись на сей разъ,
Далъ гонцу такой приказъ:
„Ждать царева возвращенья
Для законнаго рѣшенья".
Ѣдетъ съ грамотой гонецъ
И пріѣхалъ наконецъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Обобрать его велятъ.
До-пьяна гонца поятъ,
И въ суму его пустую
Суютъ грамоту другую—
И привезъ гонецъ хмѣльной
Въ тотъ же день приказъ такой:
„Царь велитъ своимъ боярамъ,
Времени не тратя даромъ,
И царицу, и приплодъ
Тайно бросить въ бездну водъ".
Дѣлать нечего: бояре,
Потуживъ о государѣ
И царицѣ молодой,
Въ спальню къ ней пришли толпой,
Объявили царску волю--
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслухъ указъ,
И царицу въ тотъ же часъ
Въ бочку съ сыномъ посадили,
Засмолили, покатили
И пустили въ окіянъ—
Такъ велѣлъ-де царь Салтанъ.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ,
Въ синемъ морѣ волны хлещутъ;
Туча по небу идетъ,
Бочка по морю плыветъ.
Словно горькая вдовица,
Плачетъ, бьется въ ней царица:
И растетъ ребенокъ тамъ
Не по днямъ, а по часамъ.
День прошелъ, царица вопитъ...
А дитя волну торопитъ:
„Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морскіе камни точишь,
Топишь берегъ ты земли,
Подымаешь корабли—
Не губи ты нашу душу,
Выплесни ты насъ на сушу!"
И послушалась волна:
Тутъ же на берегъ она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать съ младенцемъ спасена:
Землю чувствуетъ она.
Но изъ бочки кто ихъ вынетъ?
Богъ неужто ихъ покинетъ?
Сынъ на ножки поднялся,
Въ дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
„Кабы здѣсь на дворъ окошко
Намъ продѣлать?" молвилъ онъ,
Вышибъ дно и вышелъ вонъ.
Мать и сынъ теперь на волѣ.
Видятъ холмъ въ широкомъ полѣ;
Море синее кругомъ,
Дубъ зеленый надъ холмомъ.
Сынъ подумалъ: „Добрый ужинъ
Былъ бы намъ, однако, нуженъ".
Ломитъ онъ у дуба сукъ
И въ тугой сгибаетъ лукъ.
Со креста шнурокъ шелковый,
Натянулъ на лукъ дубовый,
Тонку тросточку сломилъ,
Стрѣлкой легкой завострилъ
И пошелъ на край долины
У моря искать дичины.
Къ морю лишь подходитъ онъ,
Вотъ и слышитъ будто стонъ...

Ца́рь Салта́нъ, съ жено́й простя́ся,
На добра́-коня́ садя́ся,

Ей нака́зывалъ — себя́
Побере́чь, его́ любя́.

Видно, на морѣ не тихо...
Смотритъ—видитъ дѣло лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршунъ носится надъ ней;
Та, бѣдняжка, такъ и плещетъ,
Воду вкругъ мутитъ и хлещетъ...
Тотъ ужъ когти распустилъ,
Клювъ кровавый навострилъ...
Но какъ разъ стрѣла запѣла,
Въ шею коршуна задѣла—
Коршунъ въ море кровь пролилъ,
Лукъ царевичъ опустилъ;
Смотритъ: коршунъ въ морѣ тонетъ
И не птичьимъ крикомъ стонетъ,
Лебедь около плыветъ,
Злого коршуна клюетъ,
Гибель близкую торопитъ,
Бьетъ крыломъ и въ морѣ топитъ—
И царевичу потомъ
Молвитъ русскимъ языкомъ:
„Ты, царевичъ, мой спаситель,
Мой могучій избавитель,
Не тужи, что за меня
Ѣсть не будешь ты три дня,
Что стрѣла пропала въ морѣ;
Это горе—все не горе.
Отплачу тебѣ добромъ,
Сослужу тебѣ потомъ:
Ты не лебедь вѣдь избавилъ,
Дѣвицу въ живыхъ оставилъ;
Ты не коршуна убилъ,—
Чародѣя подстрѣлилъ.
Ввѣкъ тебя я не забуду,
Ты найдешь меня повсюду.
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись".
Улетѣла лебедь-птица,
А царевичъ и царица,
Цѣлый день проведши такъ,
Лечь рѣшились натощакъ.
Вотъ открылъ царевичъ очи,
Отрясая грезы ночи,
И, дивясь, передъ собой
Видитъ городъ онъ большой;
Стѣны съ частыми зубцами,
И за бѣлыми стѣнами
Блещутъ маковки церквей
И святыхъ монастырей.
Онъ скорѣй царицу будитъ;
Та какъ ахнетъ!.. „То ли будетъ!"
Говоритъ онъ, „вижу я:
Лебедь тѣшится моя".
Мать и сынъ идутъ ко граду;
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвонъ
Поднялся со всѣхъ сторонъ:
Къ нимъ народъ навстрѣчу валитъ,
Хоръ церковный Бога хвалитъ;
Въ колымагахъ золотыхъ
Пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ;
Всѣ ихъ громко величаютъ
И царевича вѣнчаютъ
Княжей шапкой, и главой
Возглашаютъ надъ собой;
И среди своей столицы,
Съ разрѣшенія царицы,
Въ тотъ же день сталъ княжить онъ
И нарекся: князь Гвидонъ.

Вѣтеръ на морѣ гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ.
Корабельщики дивятся,
На корабликѣ толпятся,
На знакомомъ острову
Чудо видятъ наяву:
Городъ новый, златоглавый,
Пристань съ крѣпкою заставой—
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости:
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ онъ кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
„Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?"
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами,
А теперь намъ вышелъ срокъ,
Ѣдемъ прямо на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана".
Князь имъ вымолвилъ тогда:

Въ си́немъ не́бѣ звѣ́зды бле́щутъ,
Въ си́немъ мо́рѣ во́лны хле́щутъ;

Ту́ча по́ небу идётъ,
Бо́чка по́ морю плыве́тъ.

„Добрый путь вамъ, господа,
По морю, по окіяну,
Къ славному царю Салтану;
Отъ меня ему поклонъ".
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Съ берега душой печальной
Провожаетъ бѣгъ ихъ дальній;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тихъ, какъ день ненастный?
Опечалился чему?"
Говоритъ она ему.
Князь печально отвѣчаетъ:
„Грусть-тоска меня съѣдаетъ,
Одолѣла молодца:
Видѣть я бъ хотѣлъ отца". —
Лебедь князю: „Вотъ въ чемъ горе!
Ну, послушай: хочешь въ море
Полетѣть за кораблемъ?
Будь же, князь, ты комаромъ".
И крылами замахала,
Воду съ шумомъ расплескала,
И обрызгала его
Съ головы до ногъ всего.
Тутъ онъ въ точку уменьшился,
Комаромъ оборотился,
Полетѣлъ и запищалъ,
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корабль — и въ щель забился.
Вѣтеръ весело шумитъ;
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Къ царству славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости —
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.

Полетѣ́лъ и́ запища́лъ,
Су́дно на́ морѣ догна́лъ.

Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ,
Съ грустной думой на лицѣ,
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ
И въ глаза ему глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо,
И какое въ свѣтѣ чудо?"
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо,
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Въ морѣ островъ былъ крутой,
Не привольный, не жилой;
Онъ лежалъ пустой равниной;
Росъ на немъ дубокъ единый;
А теперь стоитъ на немъ
Новый городъ со дворцомъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами,
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ".
Царь Салтанъ дивится чуду;
Молвитъ онъ: „Коль живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона погощу".
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.

„Ужъ диковинка, ну, право“,
Подмигнувъ другимъ лукаво,
Повариха говоритъ,
„Городъ у моря стоитъ!
Знайте, вотъ что не бездѣлка:
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка;
Бѣлка пѣсенки поетъ
И орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые—
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ.
Вотъ что чудомъ-то зовутъ“.
Чуду царь Салтанъ дивится,
А комаръ-то злится, злится—
И впился комаръ какъ разъ
Теткѣ прямо въ правый глазъ.
Повариха поблѣднѣла,
Обмерла и окривѣла.
Слуги, сватья и сестра
Съ крикомъ ловятъ комара.
„Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!..“ А онъ въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.
Снова князь у моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что жъ ты тихъ, какъ день ненастный?
Опечалился чему?“
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
„Грусть-тоска меня съѣдаетъ;
Чудо чудное завесть
Мнѣ бъ хотѣлось. Гдѣ-то есть
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Диво, право, не бездѣлка:
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Но, быть-можетъ, люди врутъ“.
Князю лебедь отвѣчаетъ:
„Свѣтъ о бѣлкѣ правду баетъ:
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебѣ я въ дружбу“.
Съ ободренною душой
Князь пошелъ къ себѣ домой;
Лишь ступилъ на дворъ широкій—
Что жъ? Подъ елкою высокой,
Видитъ бѣлочка при всѣхъ
Золотой грызетъ орѣхъ,
Изумрудецъ вынимаетъ,
А скорлупку собираетъ,
Кучки ровныя кладетъ,
И съ присвисточкой поетъ
При честномъ, при всемъ народѣ:
„Во саду ли, въ огородѣ“.
Изумился князь Гвидонъ.
„Ну спасибо“, молвилъ онъ,
„Ай, да лебедь—дай ей Боже,
Что и мнѣ, веселье то же“.
Князь для бѣлочки потомъ
Выстроилъ хрустальный домъ,
Караулъ къ нему приставилъ
И при томъ дьяка заставилъ
Строгій счетъ орѣхамъ весть,
Князю прибыль, бѣлкѣ честь.
Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости,
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ и кормитъ, и поитъ,
И отвѣтъ держать велитъ:
„Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете
И куда теперь плывете?“
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали мы конями,
Все донскими жеребцами,
А теперь намъ вышелъ срокъ,
И лежитъ намъ путь далекъ:
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана“.
Говоритъ имъ князь тогда:
„Добрый путь вамъ, господа,

По морю, по океяну,
Къ славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидонъ
Шлетъ царю-де свой поклонъ".
  Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь — а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Молитъ князь: душа-де проситъ,
Такъ и тянетъ и уноситъ...
Вотъ опять она его
Вмигъ обрызгала всего:
Въ муху князь оборотился,
Полетѣлъ и опустился
Между моря и небесъ
На корабль — и въ щель залѣзъ.
  Вѣтеръ весело шумитъ;
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана —
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна;
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ,
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ Бабарихой,
Да съ кривою поварихой
Около царя сидятъ,
Злыми жабами глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ иль худо,
И какое въ свѣтѣ чудо?"

Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами, да садами;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ:
Бѣлка тамъ живетъ ручная,
Да затѣйница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ;
Слуги бѣлку стерегутъ,
Служатъ ей прислугой разной —
И приставленъ дьякъ приказный
Строгій счетъ орѣхамъ весть;
Отдаетъ ей войско честь;
Изъ скорлупокъ льютъ монету,
Да пускаютъ въ ходъ по свѣту;
Дѣвки сыплютъ изумрудъ
Въ кладовыя, да подъ спудъ.
Всѣ въ томъ островѣ богаты,
Изобъ нѣтъ, вездѣ палаты;
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;
Онъ тебѣ прислалъ поклонъ".
Царь Салтанъ дивится чуду:
„Если только живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона погощу".
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.
Усмѣхнувшись исподтиха,
Говоритъ царю ткачиха:

„Что тутъ дивнаго? ну, вотъ!
Бѣлка камушки грызетъ,
Мечетъ золото и въ груды
Загребаетъ изумруды;
Этимъ насъ не удивишь
Правду ль, нѣтъ ли говоришь.
Въ свѣтѣ есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разольется въ шумномъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ, горя,
Тридцать три богатыря;
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
Это диво, такъ ужъ диво,
Можно молвить справедливо!“
Гости умные молчатъ,
Спорить съ нею не хотятъ.
Диву царь Салтанъ дивится,
А Гвидонъ-то злится, злится...
Зажужжалъ онъ и какъ разъ
Теткѣ сѣлъ на лѣвый глазъ,
И ткачиха поблѣднѣла,
„Ай!“ — и тутъ же окривѣла...
Всѣ кричатъ: „Лови, лови,
Да дави ее, дави...
Вотъ ужо! постой немножко,
Погоди“... — А князь въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море прилетѣлъ.

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тихъ, какъ день ненастный?
Опечалился чему?“
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
„Грусть-тоска меня съѣдаетъ —
Диво бъ дивное хотѣлъ
Перенесть я въ мой удѣлъ“.
„А какое жъ это диво?“
— „Гдѣ-то вздуется бурливо
Окіянъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ, горя,
Тридцать три богатыря;
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ“.
Князю лебедь отвѣчаетъ:
„Вотъ что, князь, тебя смущаетъ?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морскіе
Мнѣ вѣдь братья всѣ родные.
Не печалься же, ступай,
Въ гости братцевъ поджидай“.

Князь пошелъ, забывши горе,
Сѣлъ на башню и на море
Сталъ глядѣть онъ; море вдругъ
Всколыхалося вокругъ,
Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ
И оставило на брегѣ
Тридцать три богатыря;
Въ чешуѣ, какъ жаръ, горя,
Идутъ витязи четами,
И, блистая сѣдинами,
Дядька впереди идетъ
И ко граду ихъ ведетъ.
Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ,
Дорогихъ гостей встрѣчаетъ.
Второпяхъ народъ бѣжитъ;
Дядька князю говоритъ:
„Лебедь насъ къ тебѣ послала
И наказомъ наказала —
Славный городъ твой хранить
И дозоромъ обходить.
Мы отнынѣ ежеденно
Вмѣстѣ будемъ непремѣнно
У высокихъ стѣнъ твоихъ
Выходить изъ водъ морскихъ.
Такъ увидимся мы вскорѣ,
А теперь пора намъ въ море:
Тяжекъ воздухъ намъ земли“.
Всѣ потомъ домой ушли.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости,
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ и кормитъ, и поитъ,
И отвѣтъ держать велитъ:
„Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете?
И куда теперь плывете?“
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы булатомъ,
Чистымъ серебромъ и златомъ,
И теперь намъ вышелъ срокъ;
А лежитъ намъ путь далекъ, —
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана“.
Говоритъ имъ князь тогда:
„Добрый путь вамъ, господа,
По морю, по окіяну,
Къ славному царю Салтану;
Да скажите жъ: князь Гвидонъ
Шлетъ-де свой царю поклонъ“.
Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь, а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Князь опять: душа-де проситъ,
Такъ и тянетъ и уноситъ...
И опять она его
Вмигъ обрызгала всего.
Тутъ онъ очень уменьшился,
Шмелемъ князь оборотился,
Полетѣлъ и зажужжалъ;
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корму — и въ щель забился.
Вѣтеръ весело шумитъ;
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними во дворецъ

Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ,
Съ грустной думой на лицѣ,
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?“
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Каждый день идетъ тамъ диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ —
И останутся на брегѣ
Тридцать три богатыря;
Въ чешуѣ златой горя,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ;
Старый дядька Черноморъ
Съ ними изъ моря выходитъ
И попарно ихъ выводитъ,
Чтобы островъ тотъ хранить
И дозоромъ обходить.
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А сидитъ тамъ князь Гвидонъ, —
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ“.
Царь Салтанъ дивится чуду:
„Коли живъ я только буду,
Чудный островъ навѣщу
И у князя погощу“.
Повариха и ткачиха
Ни гугу, но Бабариха,
Усмѣхнувшись, говоритъ:
„Кто насъ этимъ удивитъ?
Люди изъ моря выходятъ
И себѣ дозоромъ бродятъ!
Правду ль баютъ или лгутъ,
Дива я не вижу тутъ.
Въ свѣтѣ есть такія ль дива?
Вотъ идетъ молва правдива:
За моремъ царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть:
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выплываетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Молвить можно справедливо,
Это диво, такъ ужъ диво“.
Гости умные молчатъ:
Спорить съ бабой не хотятъ.
Чуду царь Салтанъ дивится,
А царевичъ хоть и злится,
Но жалѣетъ онъ очей
Старой бабушки своей.
Онъ надъ ней жужжитъ, кружится,
Прямо на носъ къ ней садится,
Носъ ужалилъ богатырь:
На носу вскочилъ волдырь.
И опять пошла тревога:
„Помогите, ради Бога!
Караулъ! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вотъ ужо! пожди немножко,
Погоди!“... А шмель въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что жъ ты тихъ, какъ день ненастный?
Опечалился чему?“
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
„Грусть-тоска меня съѣдаетъ —

И весе́лый пи́ръ поше́лъ.

Люди женятся; гляжу,
Не женатъ лишь я хожу".—
„А кого же на примѣтѣ
Ты имѣешь?" — „Да на свѣтѣ,
Говорятъ, царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть:
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
Сладку рѣчь-то говоритъ,
Будто рѣченька журчитъ.
Только, полно, правда ль это?"
Князь со страхомъ ждетъ отвѣта.
Лебедь бѣлая молчитъ
И, подумавъ, говоритъ:
„Да! такая есть дѣвица,
Но жена не рукавица:
Съ бѣлой ручки не стряхнешь,
Да за поясъ не заткнешь.
Услужу тебѣ совѣтомъ—
Слушай: обо всемъ объ этомъ
Пораздумай ты путемъ,
Не раскаяться бъ потомъ".
Князь предъ нею сталъ божиться,
Что пора ему жениться,
Что объ этомъ обо всемъ
Передумалъ онъ путемъ;
Что готовъ душою страстной
За царевною прекрасной
Онъ пѣшкомъ итти отсель
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тутъ, вздохнувъ глубоко,
Молвила: „Зачѣмъ далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Вѣдь царевна эта — я".
Тутъ она, взмахнувъ крылами,
Полетѣла надъ волнами
И на берегъ съ высоты
Опустилася въ кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Князь царевну обнимаетъ,
Къ бѣлой груди прижимаетъ
И ведетъ ее скорѣй
Къ милой матушкѣ своей.
Князь ей въ ноги, умоляя:
„Государыня родная!
Выбралъ я жену себѣ,
Дочь послушную тебѣ;
Просимъ оба разрѣшенья,
Твоего благословенья:
Ты дѣтей благослови
Жить въ совѣтѣ и въ любви".
Надъ главою ихъ покорной
Мать съ иконой чудотворной
Слезы льетъ и говоритъ:
„Богъ васъ, дѣти, наградитъ".
Князь не долго собирался,
На царевнѣ обвѣнчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.
Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости,
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости;
Онъ ихъ кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
„Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете
И куда теперь плывете?"
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы не даромъ
Неуказаннымъ товаромъ;
А лежитъ намъ путь далекъ:
Во-свояси, на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана".
Князь имъ вымолвилъ тогда:
„Добрый путь вамъ, господа,
По морю, по окіяну,
Къ славному царю Салтану;

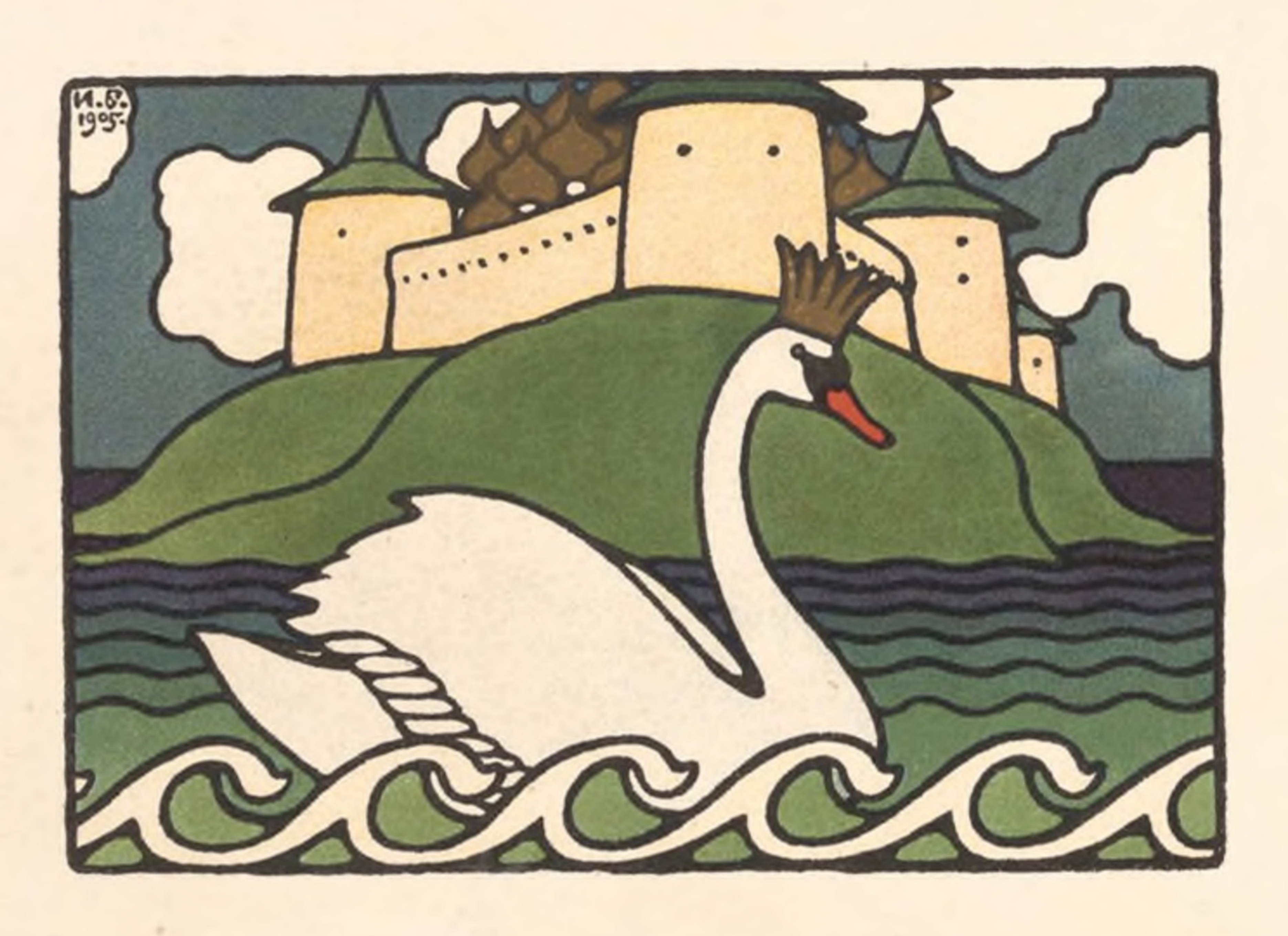
Да напомните ему,
Государю своему:
Къ намъ онъ въ гости обѣщался,
А доселѣ не собрался.
Шлю ему я свой поклонъ".—
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Дома на сей разъ остался
И съ женою не разстался.
Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Къ царству славнаго Салтана,
И знакомая страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости,
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости.
Гости видятъ: во дворцѣ
Царь сидитъ въ своемъ вѣнцѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? Куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?"
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо,
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка въ немъ живетъ ручная,
Да чудесница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,—
Скорлупы-то золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ;
Бѣлку холятъ, берегутъ.
Тамъ еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ, горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ;
Съ ними дядька Черноморъ.
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А у князя женка есть,
Что не можно глазъ отвесть:
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ;
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
Князь Гвидонъ тотъ городъ правитъ,
Всякъ его усердно славитъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ,
Да тебѣ пеняетъ онъ:
Къ намъ-де въ гости обѣщался,
А доселѣ не собрался".
Тутъ ужъ царь не утерпѣлъ,
Снарядить онъ флотъ велѣлъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ царя пустить
Чудный островъ навѣстить.
Но Салтанъ имъ не внимаетъ
И какъ разъ ихъ унимаетъ:
„Что я? царь или дитя?"
Говоритъ онъ, не шутя.
„Нынче жъ ѣду!"—Тутъ онъ топнулъ,
Вышелъ вонъ и дверью хлопнулъ.

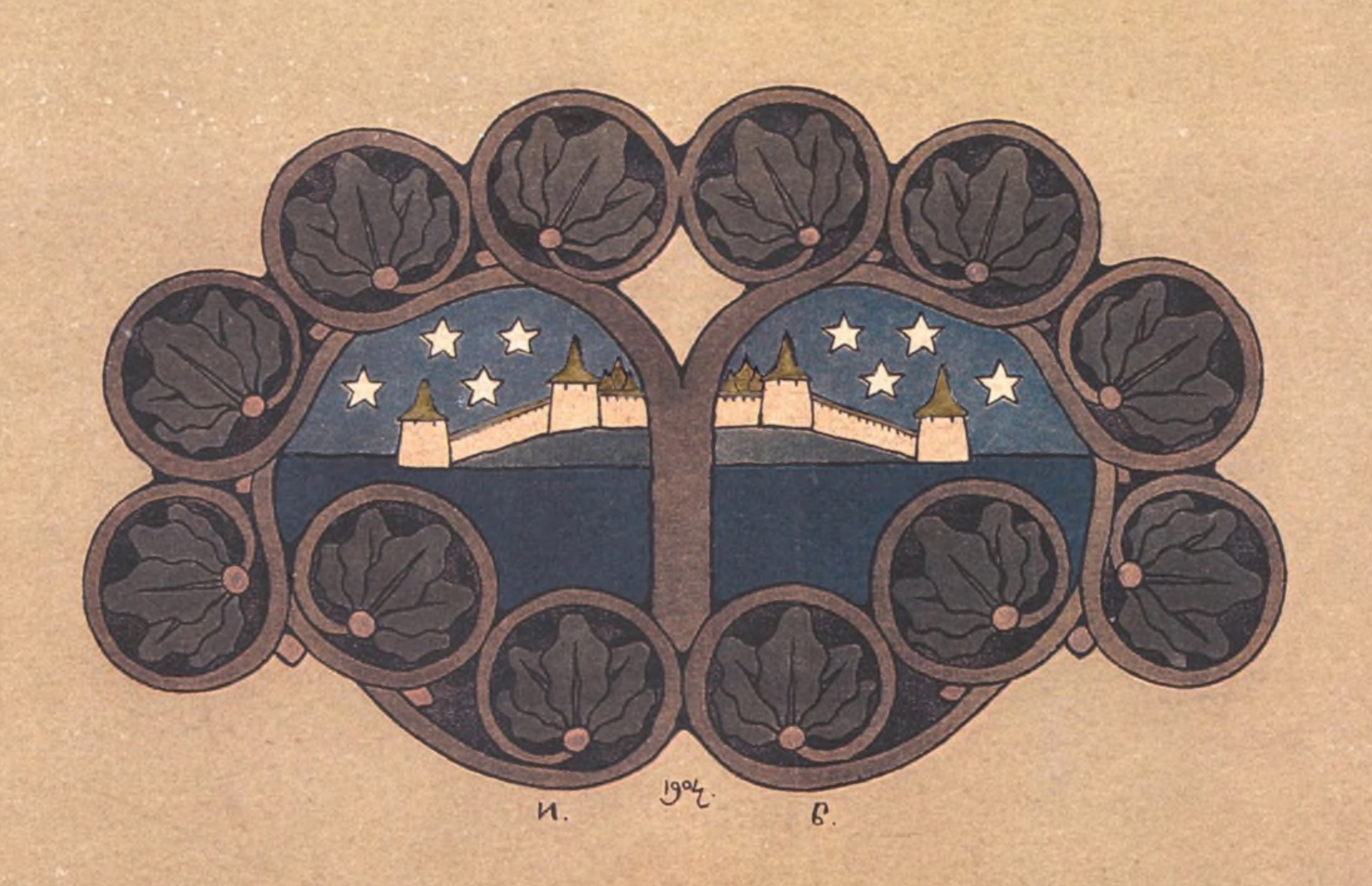
Подъ окномъ Гвидонъ сидитъ,
Молча на море глядитъ:
Не шумитъ оно, не хлещетъ,
Лишь едва-едва трепещетъ,
И въ лазоревой дали
Показались корабли;
По равнинамъ окіяна
Ѣдетъ флотъ царя Салтана,
Князь Гвидонъ тогда вскочилъ,
Громогласно возопилъ:
„Матушка моя, родная!

Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Ѣдетъ батюшка сюда".
Флотъ ужъ къ острову подходитъ.
Князь Гвидонъ трубу наводитъ:
Царь на палубѣ стоитъ
И въ трубу на нихъ глядитъ;
Съ нимъ ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются онѣ
Незнакомой сторонѣ.
Разомъ пушки запалили,
Въ колокольняхъ зазвонили;
Къ морю самъ идетъ Гвидонъ;
Тамъ царя встрѣчаетъ онъ
Съ поварихой и ткачихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;
Въ городъ онъ повелъ царя,
Ничего не говоря.
Всѣ теперь идутъ въ палаты.
У воротъ блистаютъ латы,
И стоятъ въ глазахъ царя
Тридцать три богатыря;
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ;
Съ ними дядька Черноморъ.
Царь вступилъ на дворъ широкій:
Тамъ подъ елкою высокой
Бѣлка пѣсенку поетъ,
Золотой орѣхъ грызетъ,
Изумрудецъ вынимаетъ
И въ мѣшочекъ опускаетъ,
И засѣянъ дворъ большой
Золотою скорлупой.
Гости далѣ торопливо,
Смотрятъ — что жъ? Княгиня-диво;
Подъ косой луна блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава,
И свекровь свою ведетъ.
Царь глядитъ—и узнаетъ...
Въ немъ взыграло ретивое:
„Что я вижу? Что такое?
Какъ?"—и духъ въ немъ занялся...
Царь слезами залился,
Обнимаетъ онъ царицу
И сынка, и молодицу;
И садятся всѣ за столъ,
И веселый пиръ пошелъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Разбѣжались по угламъ;
Ихъ нашли насилу тамъ.
Тутъ во всемъ онѣ признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустилъ всѣхъ трехъ домой.
День прошелъ — царя Салтана
Уложили спать въ полпьяна.
Я тамъ былъ, медъ, пиво пилъ —
И усы лишь обмочилъ.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.